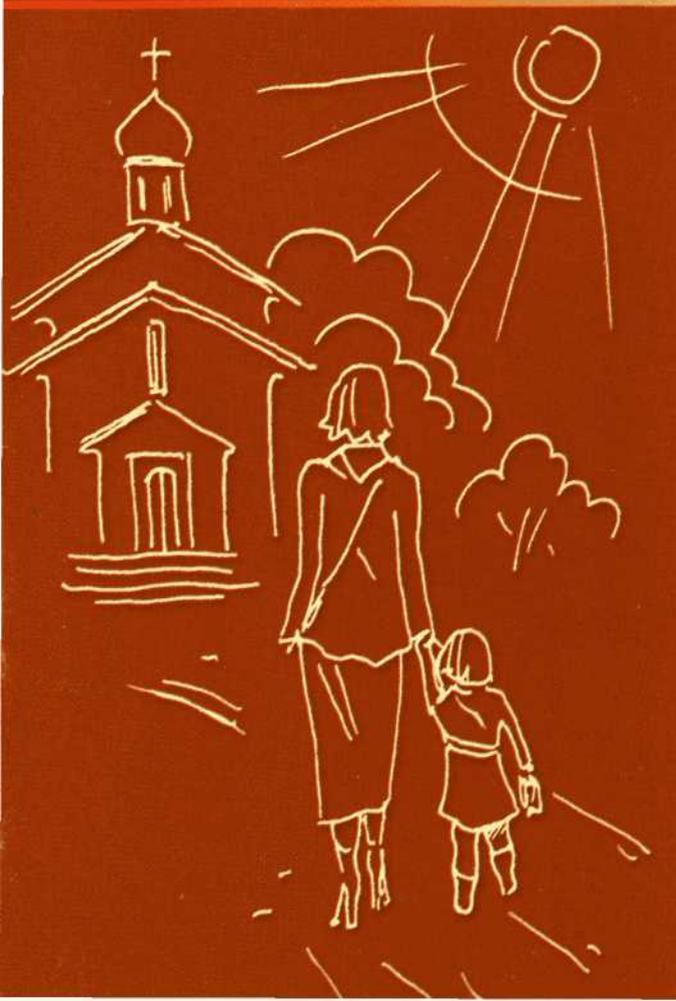

КАК ЖИТЬ С НЕВЕРУЮЩИМ СУПРУГОМ?

*Можно ли
сохранить семью,
если один из супругов –
неверующий?*

*Как вести себя мужу
или жене, если другой
не приемлет его веры?*

*На эти
и другие вопросы
отвечает
священник
Константин
Пархоменко.*

*По благословению Митрополита
Санкт-Петербургского и Ладужского
ВЛАДИМИРА*

Часто встречаются семьи, в которых один из супругов — верующий, церковный человек, а другой — нет. И эта ситуация становится источником постоянных скорбей, противоречий, ссор. Мы много раз видели слезы женщин, которым мужа запрещают ходить в храм. Видели и смущение мужчин, жены которых подсмеиваются над их «фанатизмом» и «старушечьей богомольностью».

Как жить вместе супругам, душевно близким, но далеким духовно?..

Об этом наша небольшая книга, которую мы построили в виде простых человеческих свидетельств и комментариев священника.

ISBN 5-7373-0301-2

© А. Ершова, составление, авторский текст, 2003.

© Священник Константин Пархоменко, текст, 2003.

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2003.

ВВЕДЕНИЕ

Как жить супругам, если один из них неверующий? Так просто можно сформулировать тему нашей брошюры.

Отправной точкой всех рассуждений должно быть Священное Писание Нового Завета. Именно здесь мы находим исчерпывающее и лаконичное утверждение: *А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам (1 Кор. 7, 10—17).*

Эти слова апостола Павла как нельзя лучше характеризуют подход Православной Церкви к проблеме семей, в которых кто-то из супругов является неверующим. **Такой брак — возможен!** Но как возможен? Как

вести себя мужу или жене, если другой не приемлет его веры?..

Бог обращается к каждому из людей. Он Сам говорит: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечером с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20). Бог, через стечение обстоятельств, через скорби, болезни стучится в сердце каждого из людей. Наша задача — услышать, понять, что это *именно Бог* обращается к нам. И тогда рождается вера.

Но если вера, как следствие *слышания, чувствования* Бога родилась у тебя, это не значит, что вера родилась в ком-то из близких тебе людей. Хорошо, если в семье есть взаимопонимание и уважение к интересам и внутренней жизни друг друга. Тогда верующий супруг может молиться, соблюдать посты и церковные праздники, ходить в храм и читать церковную литературу. Страшно, когда кто-то из супругов претендует на авторитарное правление. Тогда жизнь «второй половины» жестко регламентируется. Храм, посты, молитвы запрещаются. Зато разрешаются насмешки и издевательства.

Я много раз видел слезы женщин, которым мужья запрещают ходить в храм. Видел и смущение мужчин, жены которых презрительно третируют мужа за его «фанатизм» и «старушечью богомольность».

Что делать им, людям, внутренняя жизнь которых распланирована за них?.. И как сосуществовать людям, душевно близким, но далеким духовно?..

Об этом наша небольшая книга, которую мы построили в виде простых человеческих свидетельств и комментариев священника.

БРАК В ПОНИМАНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В библейском рассказе о сотворении мира описание каждого дня священный автор заканчивает словами *и увидел Бог, что это хорошо*. Те же слова звучат и после творения человека. Однако во второй главе, когда говорится о сотворении жены, основание этому заключается в словах: *Не хорошо быть человеку одному...* Потому что человек *не должен быть одиноким*. И далее Господь продолжает: «...сотворим ему помощника, ответственного ему» (Быт. 2, 18). Еврейское слово, переведенное у нас как «ответственного», вернее было бы перевести как «восполняющего». Таким образом, существование женщины необходимо было для **восполнения** бытия Адама (мужчины).

Далее Библия в коротких, но емких словах говорит о том, что входящие в тайну супружества становятся одним существом: *оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть* (Быт. 2, 24). «Плоть» (по-еврейски *басар*) означает некое целокупное существо, с едиными мыслями, чувствами... Как в Святой Троице Три Лица (Отец, Сын, Святой Дух) являются Единым Богом, так и в супружестве две личности — одна плоть, одно существо. «Когда муж и жена соединяются в брак, они не являются образом чего-то неодушевленного или чего-то земного, но образом Самого Бога», — пишет свт. Иоанн Златоуст (Беседа 26 на 1 Кор. 2).

Отныне только вдвоем должны идти по жизни мужчина и женщина, соединившие себя узами брака, и этот брак никогда не закончится, он даже перейдет в

вечность. *Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8).

Благословение Церкви на это вечное соединение двух совершенно различных людей в одно существо происходит в Таинстве Венчания. В самые первые века христианской истории брак был тесно связан с Евхаристией. Вообще, брак заключался по языческим обычаям (например, при свидетельстве двух людей и в присутствии римского консула или просто в римском суде), и, собственно, христианское Таинство состояло в том, что молодые люди исповедывали свое желание жить совместно перед христианской общиной в присутствии епископа. После этого они совместно причащались, и их брак считался заключенным.

Существующий сегодня обряд Таинства сложился около VIII века, хотя его отдельные элементы имеют гораздо более древнюю датировку. Каждый из элементов Таинства, каждое действие венчания несут на себе глубокую смысловую нагрузку.

Два слова скажем об основных обрядах Таинства.

Одним из древнейших, еще дохристианских, обрядов является традиция обручения. Вообще, круг, кольцо — символ вечности. Кольцо обручающихся — это символ обещания хранить верность и любовь вечно. Кольцо — также знак внимательности и готовности дарить. Что или, вернее, кого нужно дарить в браке? Самого себя!

Возложение Венцов на сочетающихся браком — также очень древний обряд. На Западе (о чем сообщает Тертуллиан) уже в середине II века на вступающих в брак возлагали расшитое покрывало, символизирующее «девство и чистоту» жениха и невесты. Святитель Иоанн Златоуст

писал: «возлагаем венцы... в знак победы над сладострастием». У святителя Мефодия Патарского в его знаменитом «Пире десяти дев» описывается небесное торжество девственниц. Причем, как отмечают специалисты, очень многие образы взяты им из практики Таинства брака его времени. «Вот, — говорит святитель Мефодий, — наше торжество, прекрасные девственницы! Вот награда за чистый подвиг целомудрия. Обручаюсь Слову и приемлю в дар вечный венец нетления; возложив венец на главу украшаюсь светлыми и неувядающими цветами мудрости. Обхожу со Христом, воздающим награду на небеси, окрест безначального и бессмертного Царя, становлюсь свещеносицею неприступных светов и воспеваю новую песнь с ликом ангелов». Здесь святитель Мефодий подчеркивает роль венцов в аспекте торжества, радости, но, прежде всего, венец — это награда за сохраненное для другого целомудрие.

Врачующимся подается общая чаша вина, которую они по очереди пьют. В древности, когда Таинство венча-

ния было соединено с Таинством Евхаристии, общая чаша была Евхаристической. Молодожены вместе причащались, что очень точно выражало их жизненную установку: вместе идти по путям духовного совершенства, призвать в свои спутники по супружеской жизни Христа. Сегодня, когда венчание отделено от Евхаристии, общая чаша лишь символическое напоминание о чаше жизни, которую супруги отныне будут пить вместе.

Молодожены трижды обходят вокруг аналоя, на котором лежит Евангелие. Впереди них идет священник, неся в правой руке крест, левой рукой священник скрепляет руки молодоженов. По согласному толкованию святых отцов, сей путь изображает, что отныне жизнь этих людей будет (должна быть) шествием за Христом.

Часто, к сожалению, даже венчавшись, люди уходят в мир и продолжают жить без Бога, тогда как Церковь призывает к иному. Она призывает всю свою жизнь превратить в горение (свечи в руках), в предстояние (брачующиеся стоят), в шествие за Христом.

МНЕ ТЯЖЕЛО...

Владимир, 42 года, агент по недвижмости:

В церковь я хожу, разумеется. Случаются у меня такие периоды, что бываю там нерегулярно, но не оттого, что сомневаюсь. Просто у меня бывают подъемы духа, упадки духа... Не потому что не верю, а потому что лень; или какие-то дела, заботы: то надо сделать, это надо сделать. Ведь тут необходимо и характер проявлять, и силу воли, а с силой воли у меня не очень.

Моя семья — жена и двое детей — в принципе, не говорят, что они неверующие, но в церковь со мной не

ходят. Младшая — когда беру ее, тогда едет. Но чтобы проситься... Долго служба идет для детей, столько не выдержать. И еще: не может столько времени человек быть сосредоточенным. И жену, наверное, это отталкивает. И потом — непонимание всех этих ритуалов. Это же надо изучать закон Божий, чтобы знать: вот вынесли дискос, что это символизирует, вот открыли алтарь, закрыли, вынесли, принесли... А если этого не знать, просто стоять — действительно тяжело.

Мне бы хотелось, конечно, чтобы они со мной пошли, и я знаю, что об этом надо Господа молить, тогда они наверняка станут религиозными людьми. Но у нас же еще есть враг, который начинает меня злить на них, что они такие, что в церковь не ходят, начинаю жену ругать... Жена говорит, что верит в Бога, но в церковь все никак не может пойти, ее всячески отводит что-нибудь. Я крестил-то ее с боем. Вроде бы она и не против, но как в церковь собираться — случается что угодно. Хоть скандал по любой причине, хоть что...

Мне тяжело, когда пост. Мои родные вообще не могут без мяса. Вот в этом-то вся сложность. Маяковский-то что написал: «любовная лодка разбилась о быт»... Я разговаривал с женой об этом, но она говорит, мол, не могу я без мяса. Я же тебе не мешаю, говорит. Она отдельно мне постное не готовит, но дело даже не в этом, приготовить я себе и сам могу. Но когда приходишь поздно домой с работы, уставший и голодный, а рядом стоят-благоухают эти блюда... Приготовить — это не сложно. А вот — удержишься ли, когда в холодильнике шинки-салями, на сковороде шипит отбивная...

В чем смысл жизни? Вот, даны заповеди, пытайся соблюдать. Мы здесь чтобы отработать — и вернуться

назад. А нас всячески мир отвлекает, вовлекает. Наука развивается, появляются всяческие ответвления, разрабатываются множество сортов, видов. Шампуни, жвачки, кока-колы...

Что касается остального, — мои домашние спокойно относятся к тому, что я в церковь хожу. Они уже привыкли, что это мне нужно, в этом они мне не препятствуют. Но, тем не менее, весь уклад жизни в нашей семье не соответствует... Жена курит, шампанского не прочь выпить. Тут уж не важно — понимает она или не понимает. Что толку, что понимает и не выполняет... У моей жены очень сильный характер, целеустремленный. Если бы она еще обратилась в веру, то был бы очень мощный выхлоп. Такие, как она, подвижниками становились. Но трудно ее туда... У нее на все свое мнение, может, на этой струнке и играет «хвостатый».

Не могу сказать, что они хуже себя ведут в домашних конфликтах, чем я как христианин. Тут уж все одинаковы. И не могу сказать, что они как-то провоцируют меня. Бывает, конечно, что перед постами, в посты — обязательно какой-то скандал из-за ничего. Все это получается вроде само собой, но я-то понимаю, что это — происки дьявола. Где-то я читал, что пока живешь в расслабленном состоянии, то и враг на тебя не ополчается, ты и так его устраиваешь. А как у тебя только потуги какие-то начинаются... Он же действует хитро, через близких. Например, пост начался, только со своими как-то условился, что будем соблюдать, а к тебе ни с того ни с сего брат заявился из другого города со своей семьей. Что же тут — извини, я пощусь?.. Вот и в ссорах — враг так озлобляет, что потом, когда отхо-

дишь, думаешь: елки-палки, опять победил на некоторое время... Потом-то все осознаешь, жалеешь...

Отец Константин:

Ситуация Владимира довольно типична. Он сам честно признается, что в храм ему ходить «лень».

Печальная статистика показывает, что из 70% православных россиян лишь 5-8% ходят регулярно в храм, исповедуются и причащаются, соблюдают посты и церковные предписания.

Можно вспомнить древние церковные каноны, чтобы понять аномальность такой ситуации: если христианин три недели не причащался (без действительно уважительной причины), его отлучали от Церкви... Дело не в мракобесии. Все очень просто: если ты не нуждаешься в пище Вечной Жизни, если ты не стремишься к встрече с Господом в Таинстве Его Тела и Крови, значит ты — не православный христианин.

Настоящая жизнь православного христианина подразумевает ежедневную бескомпромиссную работу над собой для искоренения греха в себе: лени, подлости, лицемерия, жадности, злобы и прочих грехов.

Так возможно жить (и это не просто теоретические слова, это личный опыт, проверенный на примере многих людей) только при активном участии Церкви. Сюда включено: посещение (как минимум) хотя бы раз в две недели Божественной Литургии. Не реже чем раз в месяц — Причащение. Ежедневная утренняя и вечерняя личная молитва. Чтение церковной литературы и решение духовных вопросов при личном общении со священником. Соблюдение (по мере сил и благослове-

ния духовника) постов и иные аскетические упражнения. Доброделание.

Именно это, являясь не просто произвольными церковными установлениями, но элементами продуманной, апробированной, подтвержденной опытом тысяч подвижников церковной жизни, ведет душу по пути ее роста и духовного совершенствования.

Церковная жизнь *кое-как*, в *полсилы*, от случая к случаю, невозможна. Вспомним страшные слова из Апокалипсиса: *знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 15-16). Холодность как неверие или активное безбожие еще могут привести к покаянию, перемене всей жизни (как в случае с апостолом Павлом); горячность в вере — прекрасна сама по себе. Самое страшное — духовная теплохладность, или прохладность. Это состояние в духовном плане бесперспективное и гибельное. Человек думает, что он самодостаточен, а Бог существует где-то на периферии его личной жизни. Даже не на уровне бизнеса или встреч с друзьями — ниже, где-то между походом с детьми в зоопарк и посещением театров.

В таком состоянии многие христиане проживают всю жизнь...

Меня абсолютно не удовлетворяет внутренняя установка Владимира. Я бы сказал, это — установка инфантильного слабовольного человека. Ему необходимо начать христианизацию семьи с себя. Научиться сдерживать злость и душевную усталость. Гасить миром и любовью все конфликты и ссоры. Быть для своей, как

он сам признается, *сильной* жены примером христианской цельности. Регулярно (раз жена не препятствует) ходить в храм, не размениваться на «шинки-салями»: если решено поститься — неукоснительно соблюдать пост, ежедневно молиться, вообще во всем показывать, что он ответственный и сильный волевой мужчина, а не *трость, ветром колеблемая*.

ВЕРЮ, ЧТО ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО

Ирина, 33 года, домохозяйка:

Мне повезло, у меня муж хороший. Я знаю, что бывает, — пьянство, крики: в церковь больше не пойдешь... Хотя от того, как мы себя ведем, как молимся, как осознаем эту проблему, тоже, конечно, многое зависит.

Мой муж не пьет, у нас хорошая семья, он работает, любит детей. Да и вообще, его основные моральные понятия вполне христианские. То есть нормальные, человеческие. Но, конечно, характер у него не сахар. Но ведь и я не идеальная.

Мне очень хочется мира в семье, тепла. Просто жить и радоваться, что в доме достаток, что дети здоровы. Знать, что если ошибешься, тебя простят. А если оступишься, то поддержат. А когда заболеешь — помогут и посочувствуют.

Но ничего этого нет. Есть придирки, напряженность и выяснения отношений.

Даже представить себе не могу, какое счастье, когда в семье оба — православные. Хотя мой муж считает себя православным. Но вера предполагает совсем другое мировоззрение. Не «все мне должны», а «я всем

должен». Не «все кругом виноваты», а «я во всем виноват». Вот когда человек всем сердцем это скажет, он — истинно христианин.

Слава Богу, что я могу причащать детей, ходить (по предварительной договоренности) в церковь. Мы даже иногда все вместе ходим. И я надеюсь, верю, молюсь, что он когда-нибудь пойдет и на исповедь и причастие. Тогда начнется новый отсчет времени...

Как я живу. Посты стараемся соблюдать мы с дочкой, а мужу и маленькому сыну готовлю обычную еду. Прошли времена, когда он раздражался по этому поводу, сейчас привык, спасибо, что уважает. В церковь ходить — тоже как-то приспосабливаюсь. То к ранней литургии пойду, к семи: они просыпаются, а я уже дома. То все вместе попозже подойдем к причастию с малышом. Иногда, бывает, что и вовсе не удастся сходить в воскресенье в церковь. Не потому что муж не пускает, а просто чувствую, что так лучше для спокойствия в семье...

Выбивают из колеи некоторые дни. Бывает, причастимся, настроение такое! А дома — опять недовольст-

ва, придирки, то не так, это не эдак. Так горько становится...

Трудно воспитать детей в вере в «половинчатой» семье. Если бы все стояли в церкви на службе, глядишь, и маленькие с детских лет бы привыкали. А так есть выбор: с папой на улице погулять или с мамой в душной церкви стоять, — и народу много, и ноги устали. Или вечером: что лучше — телевизор смотреть или скучные молитвы твердить? А ведь кругом и так — и в садике, и в школе, все и вся, — настолько далеки от Бога...

Знаю, что много грешу. Не могу даже на мужа сетовать сейчас, потому что знаю, сколь сама несовершенна. Жалко только, что мы смотрим с ним на это под разным углом. Я вижу свои недостатки, а он тоже — видит *мои* недостатки. Но верю, что все будет лучше и лучше. Молюсь Ксении Блаженной. Знаю, что Господь послал мне это испытание во благо мне же. Как бы я по-другому могла выправить себя, свой эгоистичный характер, научилась смиряться? Благодарю Господа за это. Иногда, когда уныние, когда кажется, что ничего хорошего не будет, оглядываюсь назад и вижу: а было-то хуже. Намного хуже.

Только одного понять не могу: если все это мне во благо, то что же с ним будет? Что он, тренажер для моих духовных упражнений? Жалко ведь его, его душу. Иногда после ссоры думаю, что вот, я простила его, простила сразу же, а он-то как, какой ему урок, он же все принимает как в порядке вещей. Берет ли он для себя что-нибудь, учится ли? Не знаю... Или просто упивается собственной правотой и вседозволенностью?

Надеюсь, что Господь не оставит его, что промыслом Своим все управит.

Отец Константин:

Обычная история: жена — верующая, муж — агностик. Он бы и не против увлечений жены, если бы это его никак не затрагивало. Но это его затрагивает, и он сердится.

Ирина выбрала мудрую и правильную политику. Ничего никому не навязывать, тактично стараться не осложнять жизнь супругу своей верой. Думаю, что это принесет плод. Дочь уже верующая, и вера эта не навязанная, а личный выбор взрослого ребенка. Сын тоже с возрастом обратится к Богу, если увидит на лицах мамы и сестры отблеск сияния вечной жизни. Про мужа не знаю. Вера — это не сумма теоретических пунктов и предписаний. Вера — это отклик на Божий призыв, готовность слушать Бога и желание учиться слышать Бога. И исправлять себя.

Что до искушений унынием... Ирина, не унывайте. Вся наша жизнь — это противостояние неудачам. Хочется хорошо молиться — не умеем. Мечтаем, чтобы наши дети и члены семей стали ревностными христианами, святыми, духовно высокими людьми — не получается.

Святитель Тихон Задонский говорил, что в духовном странствии к Царству Небесному мы идем не от победы к победе, но от поражения к поражению. Главное, не садиться и не оплакивать свои падения и неудачи, а вставать и идти дальше.

Мы должны делать все, что в наших силах. А Господь сделает все остальное, что не в наших силах.

Вы спрашиваете: «Что же он, тренажер для моих духовных упражнений?» Действительно, принося себе вред, он приносит пользу Вашей душе, дает возмож-

ность Вам исцелиться. Поэтому, если Вы переживаете о муже, — усугубите свою молитву, особым образом молитесь о нем Господа.

Здесь также уместно сказать несколько слов об уважении интересов друг друга.

Необходимо требовать (не умолять, не выпрашивать, но именно требовать) уважения неверующей супружеской половины к твоим душевным ценностям. Супруги — это не забитый слабейший и торжествующий сильнейший, это не борьба за выживание, а уважительное сосуществование двух любящих (именно любящих, а не кое-как терпящих друг друга) людей.

Не стесняйтесь говорить откровенно с супругом, не избегайте темы своей религиозности. Важно лишь найти подходящий момент. Вера — это не то, что следует скрывать и чего следует стесняться. Наша принадлежность к Церкви — великая честь и радость. И мы готовы свидетельствовать об этом перед лицом кого угодно и в первую очередь перед членами своей семьи.

Супруги XX века соединяют свои жизни не насильно, а руководствуясь принципами любви. А любовь значит — видеть не только себя, слушать не только себя, но и другого. Даже прежде всего другого. Почему же получается так, что к дорогому и желанному для одного другой супруг относится зло и враждебно?.. Что сломалось в отношениях? И не виноват ли именно я, если что-то сломалось? Давайте будем чаще вспоминать о любви и будем терпимей, добрей.

Дорогие верующие: никогда не ставьте обряд выше любви. Закон любви прежде всего! Помните слова богомудрого Апостола: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но*

жена (1 Кор. 7, 4). Эти слова нам напоминают о том, что ради любви, ради того, с кем мы некогда захотели навсегда связать свою жизнь, мы должны идти на некоторые уступки. Ради того, чтобы сохранить и преумножить любовь. И это будет более прекрасным примером нашей православности, чем жестокая упертость и сварливость во второстепенных вопросах.

Дорогие неверующие: уважайте внутренний мир своих любимых! Не навязывайте своих представлений. Супружеская жизнь должна быть радостью, а не ареной отстаивания своих амбиций.

Следующие примеры — свидетельства нецерковных мужчин, жены которых ходят в церковь, — красноречиво показывают «оборотную сторону» проблемы. Показывают, в каком свете видит все происходящее вторая половина. Эти свидетельства заставляют задуматься о многом.

БЛАГОЧЕСТИВОЕ ШОУ

Константин, 34 года, бизнесмен:

Я, может быть, не могу называть себя православным христианином, но мне кажется, что все непонимание в нашей семье — из-за обрядовых вещей. Культурных, сродни языческим, и смысла за ними глубинного я не вижу. Улучшения качества человека, его души — не происходит. Вся вера сводится к выполнению определенных обрядов, из-за чего человек якобы должен становиться лучше. Если он выполняет эти обряды, значит, он — хороший. Если не выполняет — он христианином являться не может. И это определение Церкви.

За обрядами, на мой взгляд, теряется суть. Пожалуйста, выполняйте их, если они нужны, но это не должно быть главным. Иначе это шоу получается. У очень многих людей вера — это своеобразное шоу. Они, мне кажется, так и не доходят до сути.

В семье все то же самое происходит. Мы прочитали молитвы за столом, через 3 минуты может начаться ор совместный друг на друга. Что толку от этой молитвы? Зачем этот пустой обряд, если он ничего не принес? Да, когда жена уезжала, я поддерживал маленького сына. Он говорил, что перед едой надо помолиться, и мы читали молитвы. У меня это было искренне. Но в обязаловку все время, вне зависимости от настроения, душевного состояния, — я так не могу... Какое-то особенное настроение должно быть, чтобы начать молиться. Я считаю, что не молитва дает состояние души, а наоборот, определенный настрой души выливается в молитву.

С тех пор, как моя жена стала ходить в церковь, я не заметил в ней особых позитивных изменений. Да, конечно, откровенно ужасные вещи она перестала делать, но они любому нормальному человеку не должны и в голову приходить. Если рассматривать это как заслуги Церкви — ну, тогда да. Но добрее она, или как-то больше любить — не стала.

Да, я знаю доктрину православной Церкви — на мне можно поставить штамп: он не в Церкви, ну и до свиданья. Я не вижу, что до меня было бы дело жене или самой Церкви.

С детьми — другая ситуация. Если в нашем детстве вообще непонятно было, что и как, совершенно другие традиции были, мало было верующих семей, то сейчас — по-другому. Мы причащаем наших детей — ну,

не знаю, как-то происходит, что они очищаются, защищаются. Дети — они другими глазами воспринимают все, и они должны воспитываться в вере. Может, из них вырастут такие люди, которые, привыкнув к обрядам, не обращая на них уже такого внимания, будут ощущать внутри себя что-то самое главное...

Отец Константин:

Все что связано с обрядовой стороной нашей веры, действительно, — непростая проблема. Читать или не читать молитву перед едой, если хотя бы одному члену семьи это чуждо? Где молиться в однокомнатной квартире? Отмечать ли Новый год, если вся семья привыкла к этому? Великий пост, 8 марта, муж дарит цветы — фыркнуть и выкинуть их? Постараться объяснить? Или просто принять с благодарностью?

Не человек для субботы, а суббота для человека, — в ответ на упреки фарисеев ответил Иисус Христос. Этот принцип можно назвать основополагающим, когда мы говорим о традициях Православной церкви. Обычаи и обряды, сложившиеся за многовековую историю Церкви, позволяют нам прикоснуться к наследию предков. Нам об этом не нужно искать форму, мы можем довериться опыту святых отцов и жить по установленному образцу: пост тогда-то и тогда-то, молитва утром и вечером, определенное молитвенное правило и т.д. Внутри этой формы ощущаешь истинную свободу, свободу души.

Но здесь очень важно помнить одно: Церковь не ставит обряд выше самого человека. Возможно ли сделать в храме резкое замечание соседу, уронившему крошки от просфоры на пол? Конечно, просфора —

хлеб, ставший святым, частицы которого вынуты за здоровье или упокой на проскомидии. Но не святая ли человеческая душа, только что причастившаяся Телу и Крови Христовых?

Один мой знакомый — человек, который Бога «в душе» давно принял, но своего места в Церкви пока не нашел — как-то раз оказался в монастырском храме со своим православным приятелем. Этот человек, как все приходящие в храм, боялся сделать «что-то не так» и спрашивал друга: куда можно пойти, как правильно поставить свечу. «Слушай, мы верующие люди, — тактично ответил ему приятель, — и мы пришли в свою церковь. Что здесь может быть нам нельзя?»

Что касается наполовину воцерковленных семей, им в первую очередь нужно руководствоваться заранее обдуманнными и оговоренными решениями о тех или иных церковных установках. Одна верующая женщина ходила в храм только по будням, когда муж был на работе, в будни же и детей причащала. Священник посоветовал ей спокойно, без обвинений, поговорить с мужем и объяснить, как важно для христианина быть в церкви именно в воскресенье. В конце концов, об этом написано в Библии! Библия была авторитетом и для мужа, поэтому супруги пришли к соглашению — жена будет ходить в храм по воскресеньям, но через одно или два.

Время и место для молитвы, думаю, тоже можно найти. Встать пораньше утром, например. Прочитывать каноны к причастию не за один вечер, а за два дня. Но к вопросу о молитве мы еще вернемся ниже.

Очень важно поговорить, решить все вместе — но не со словами: мол, так надо, ты ничего не понимаешь и

поэтому плохой. А с позиции: пойми, тебе странно, конечно, но для меня все это стало важно и дорого. Мне хочется научить этому детей. Давай обсудим, что из этих традиций я могу ввести в наш дом... Одна женщина сказала мужу: ты же смотришь футбол, ходишь на футбол, и никто не мешает тебе. Могу же и я увлечься чем-то своим! Конечно, веру в Бога и жизнь по церковным традициям трудно назвать увлечением, но такой пример был понятен мужу.

Праздновать ли 8 марта, Новый год — каждая семья может решить для себя по-доброму, во взаимном согласии. Не допускайте того, чтобы какой-либо обряд, традиция или привычка могли стать камнем преткновения и нарушить мир в семье. И если вам не удастся выполнять дорогие вашему сердцу ритуалы, утешайте себя тем, что Господь слышит и видит вас в любом месте, в любое время и тяготы ваши знает.

ВСЕ РАВНО БЫТЬ

Из записок женщины-христианки:

Кто, кто, кто знает, как тоскливо. Как уныло, как темно — не пойти в церковь тогда, когда хочешь. В великий праздник. В Пасху. Или просто в воскресенье.

Весь день — как уставший в дороге и не присевший отдохнуть путник (надо дальше идти!) — плетешься, едва волоча ноги.

Как — готовить еду, мыть посуду, затеять небольшую постирушку, — и знать: сегодня воскресенье. Как не идет утром молитва: семья встала, и не всунуть ее уже между обычных дел. Как чувствовать, что ты — стержень этого мира, но сегодня — стержень без серд-

цевины; и видеть, как кренится этот мирок вокруг тебя. Заражается унылостью, недоброй отрешенностью, противопоставлением друг другу своего «я».

Как веселиться, когда не весело. Как разговаривать с гостями. Как придумывать «развлечения» для своих (стержень ведь!), когда помнишь, когда знаешь — для чего эти часы.

Заполняешь их, — а не заполняются они. Вылезают то там, то тут — часы, которые ты должна провести в церкви...

И как непросто в такой день подумать: Господи, благодарю! Они смотрят на меня, они любят меня! Они со мной. Вот — моя церковь. Ведь обо всем можно договориться. Всех можно приобщить. Можно радоваться небу голубому, солнцу. Можно читать детям детскую Библию. Можно молиться Иисусовой молитвой...

Все — от собственного малодушия и лени. Знаю это, вспоминаю, озаряюсь на минуту, — и все, конец, снова тяжесть...

Давно, давно я узнала рецепт. Не можешь по объективным причинам пойти в праздник в церковь — просто прими это, и все. Чуть ли не забудь. Не о празднике, конечно, о неудаче. Праздник-то где? В душе...

Это испытание такое маленькое — все равно быть радостной.

ЕСЛИ ТЫ ЛЮБИШЬ...

Андрей, 30 лет, учитель истории:

Моя жена регулярно ходит в церковь, а я — нет. Я — крещеный и в Бога верю. Но все эти правила...

Есть, конечно, такие обряды, которые меня не очень обременяют. Например, я же крещусь, когда захожу в церковь. Мне это не трудно. Но есть такие, что меня обременяют очень. Если мне 3 часа надо простоять столбом, ничего не чувствуя, к тому же я ничего не вижу, — тогда я не буду стоять. А зачем?

Да, я молюсь Богу, я обращаюсь к Нему. Я могу при этом сидеть, стоять, ходить, лежать... Бог человека всегда слышит и видит. А иконы для меня — тут, смотря какие. Если икона хорошая, то человек, который ее писал, вкладывал в нее мистический образ, и она нужна хотя бы как иллюстрация этого образа. Ну, а если бумажная икона — я, в принципе, не очень понимаю, зачем она. И зачем распинаться перед куском бумаги.

Раздражает ли меня, что жена ведет такой церковный образ жизни? Если она находится в состоянии психоза, то мне это, конечно, неприятно. А если она в порядке, то нормально. Более того, если она была в нормальном состоянии сама по себе, да еще и в церкви побывала, то она гораздо более уравновешенная. И спокойная.

Но случается, что она приходит из церкви с горящими глазами и трясущимися руками, потому что поп ее накрутил. Она переполнена агрессией. Почему это происходит? Уж не знаю...

Поэтому бывает всякое: я срываюсь, жена срывается. Но тем и отличается нормальный человек от сумасшедшего, что он потом о чем-то жалеет, что-то анализирует, что-то пытается изменить. И я понимаю, что не все мне по силам. И могу обратиться к Богу, сказать: я тут ничего поделать не могу, помоги мне Ты. Собственно, мы и проделываем это система-

тически, вместе с женой. Мы можем стоять у икон, потому что если мы придем к мысли, что все равно где стоять, то можно стоять и у икон. А ей, вроде бы, привычнее...

Мне церковная жизнь моей жены не мешает, если она в нормальном состоянии. Хотел бы я, чтобы она ушла из Церкви? Зачем? Если ей хорошо от этого, зачем ей уходить.

Я не противлюсь тому, что она водит детей в храм. Она же не принуждает их, она говорит: пойдёмте, детки, в церковь. Она им предлагает: пока вы со мной, я хотела бы, чтобы вы ходили в церковь и причащались. Когда они вырастут, и я увижу, что это им нравится, то я, естественно, не пойду им поперек дороги. Но если им будет не по душе, то я против, чтобы вот так — силой всех подряд «в светлое будущее».

Считаю, что никого никуда привести невозможно. Можно затащить в церковь, но чтобы внутренне привести — надо, чтобы человек для этого созрел. Поспособствовать можно только, показав, что такое вера, на своем примере... И если женщина очень любит своего мужа, она не будет хотеть, чтобы он пришел в Церковь, она будет хотеть, чтобы ему было хорошо, чтобы он был счастлив. А уж в какой форме это счастье выразится, дело десятое...

Но если один человек хочет привести, а другой не готов, то это — патология. Это уже просто эгоизм. Потому что, как я могу хотеть то, что другому может быть плохо? А в Церкви может быть плохо, потому что там психопатов больше половины...

Я воспринимаю любовь как состояние объединения, душевного единства. Люди друг друга любят, потому что они находятся в состоянии душевной близости. Когда один любит другого, он хочет, чтобы тому было хорошо. Если же любовь эгоистичная, то получается, что я люблю не человека, а люблю образ, который нарисовал и приложил к нему. И если человек не соответствует этому

образу, то во мне начинает закипать ненависть. Получается, что я не человека люблю, а то, что сам придумал.

Вот пример. Допустим, я люблю горные лыжи. А она — нет. Она боится, не понимает. А я так хочу, чтобы она была со мной, чтобы поняла, как это здорово! Но я же не буду тащить ее силой или устраивать скандалы, что она не катается со мной. Я, конечно, настою на том, чтобы она пошла со мной один раз. Не попробовала, а посмотрела, как я катаюсь. Какое я удовольствие при этом испытываю. Я ей все покажу, от и до. Как я эти лыжи смазываю, как я эти, ну не знаю, гайки какие-нибудь подвинчиваю. Целая чайная церемония! Выбираю время, выбираю снежный покров, нужную гору... Потом я спускаюсь с этой горы, и в таком приподнятом настроении, полный адреналина, переодеваюсь, веду ее в кафе, рассказываю, как это было здорово. Через некоторое время, когда у нее это абсорбируется в сознании, я предложу ей попробовать самой. С какой-то моей помощью — прокатиться. Если ей понравилось, как я катался, что я испытывал тогда, то она пойдет. Пару раз прокатится, а потом я ее спрошу: так будешь ходить со мной? Или по-прежнему нет?

У меня действительно были с женой похожие ситуации, когда я так ее «натаскивал». Она посмотрела-посмотрела, попробовала и сказала: все, хватит; да, я поняла, что тебе это здорово, вот и катайся. А мне дома приятней посидеть. И мы в этом прекрасно друг друга понимаем. Я чувствую, что ей это не нужно; и зачем мне снова уговаривать, если человек напрягается.

И еще. Если человек на лыжах катается мастерски, он может привлечь и других. Ну а если он все время падает, то от такого примера никто никогда не научится. Вообще, учатся же от профессионализма. Почему лю-

ди ходят на выставки к мастерам, учатся у высококвалифицированных учителей?.. Так же и с христианством. От человека ведь передается не информация, передается состояние...

ЛЮБОВЬ

Из записок женщины-христианки:

Пять лет с одним человеком. Десять, пятнадцать. До конца жизни... Видеть его первым, едва открыв глаза. Его же — последним, перед тем как глаза закрыть. День за днем, год за годом.

Мыслимо ли? Тебе, абсолютно другому человеку, со своей системой взглядов на мир, своими привычками и прихотями...

Сначала Любовь все делает за тебя: бежит к нему, встречает с сияющей улыбкой. Обряжает тебя в красивые одежды: ему нравится. Заставляет читать книги, думать, интересоваться тем, что ему интересно: с ним дольше говорить. Чтобы не наскучить. Чтобы длить драгоценное общение. Продумывает твоё поведение до мелочей: пусть увидит тебя с самой лучшей стороны, в самом выгодном свете. Торопит угодить ему: вкусно накормить, незаметно зашить порванную перчатку, чтобы помнил. Чтобы грело: рядом — женщина.

На сколько хватит любви — на год, два? На месяц?

Здесь — как в вере. Новонаначальному — благодать, потом — искушения, труд. А дальше — то, чего добился этим трудом: по работе и награда будет. Кончился запас любви — Божьего дара — работай сам.

Не любить — просто. Все успевать по дому, хозяйничать, стряпать, убирать, водить детей в кружки. Чтобы не одергивали, не попрекали. Так надо, так по-

ложено. Найти себе «параллельную жизнь» по интересам, отдушину: разговоры по телефону, сериал «Скорая помощь», аэробика... В этом контексте и церковь, «церковная жизнь» — то же самое: попытка уйти в параллель с действительным миром.

Посмотрим со стороны: только что жили как жили, а тут на тебе — я хожу в церковь, я читаю молитвы утром и вечером, я не ем мяса по средам и пятницам — и я хорошая. По крайней мере — гораздо лучше тебя. «Ладно. А я — плохой», — в раздражении и недоумении заявляет муж, наблюдая всю нелепицу происходящей перемены.

Что такое христианство? Во всяком человеке увидеть доброе, увидеть образ Христа и любить его за это, отбрасывая все остальное, как шелуху. А мы, в своем первом благом порыве, все делаем с точностью до наоборот и начинаем — с собственной семьи, со своей «малой церкви».

Вырваться «с мясом» в храм и отвести душу потом, у церковной ограды: «Опять дома скандал. Он же ничего не понимает, ему ничего не надо. Только деньги и телевизор. Не знаю, что делать...» Плетется, плетется параллельная жизнь: отработал первую — и в свою.

Самое трудное — жить здесь и сейчас. С тем, что дано Господом. С тем, кто сейчас рядом. Самое трудное — заставить себя любить. Когда, казалось бы, нет никаких чувств к этому почти чужому, чуждому тебе человеку.

Вот он приходит с работы. Уставший, раздраженный, готовый вот-вот сорваться по любому поводу. Трещит голова, с утра без нормальной еды. Что он хочет, что ему нужно? Да ничего: поесть, попить, лечь на диван пластом, — с газетой или телевизором, а потом

уснуть. И больше всего ему НЕ нужно — наших упреков и *своих* мыслей о том, что он не такой, как мы, что он — неверующий, а значит — что-то в нем не так... (а ведь есть эти мысли за кажущейся непроницаемостью). Его жизнь проста и очевидна. Он работает — потому что хочет обеспечить свою семью. Он устает — и анестезирует свою усталость «по интересам»: от телевизора (самого безобидного в этом случае варианта) до выпивки... Облечь это существование смыслом, радостью, осознанием — наша глубокая, затаенная мечта.

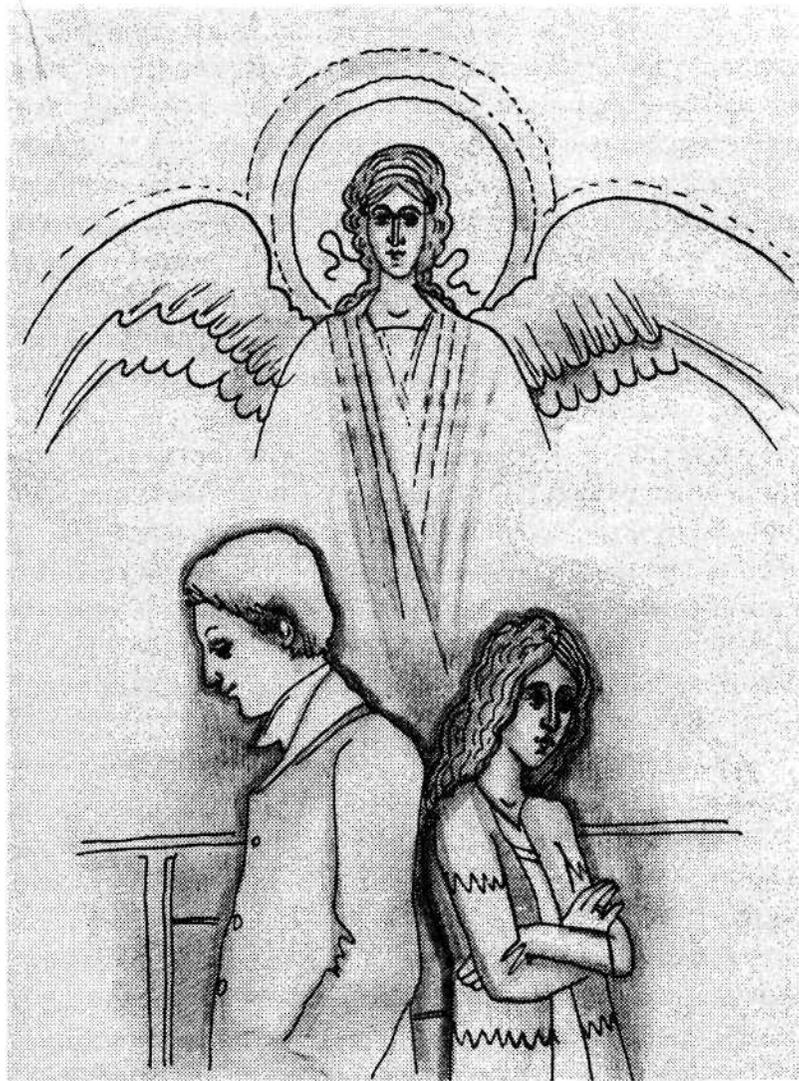
Вот он — наш дом: плитка в 3 конфорки, раковина с посудой. Ты готовишь, моешь — а пока загляни в себя, подумай: с чем зайдешь *к ним*, сколько любви в твоём сердце? Вот она — твоя домашняя церковь: муж, дети... Радуйся их радостями, плачь над их огорчениями. Смотри на них и служи Богу...

В своем послании говорил апостол Павел: *Лучше было бы девице не выходить замуж. Потому что незамужняя девица более угождает Богу, а замужняя — мужу.* Мы уже выбрали свой путь. Не свернуть с половинны, через какие бы зигзаги и выбоины он ни шел. «Каждую гору сделаю я путем», — говорит Господь. И тем успокаивает мятущуюся душу нашу.

Потрудись немного, нетерпеливая душа. Не иди параллельно, будь внутри. Придет радость и к тебе, раздражение сменится жалостью, а неприязнь — любовью. И Господь вознаградит твои страдания.

Елизавета Пархоменко:

Когда человек приходит к Богу, все его существо под воздействием некой таинственной силы наполняется, пылает огромной любовью к Создателю. Эта любовь дает силы отказаться от прежней жизни, от пре-

хов и привычек, вошедших в самую плоть человека, и полностью отдать себя служению Богу. На языке богословия это чудесное касание называется *благодатью призывающей*. Однако проходит какое-то время, и Гос-

подь предлагает человеку самому, по свободной воле, через трудности и препятствия прийти к Нему. Ибо всякая любовь подразумевает не только озарение свыше, но и личные усилия человека.

С той же ситуацией мы сталкиваемся и в отношениях мужчины и женщины: пока люди влюблены друг в друга, они готовы прощать недостатки, помогать переносить трудности жизни. Но, главное, человек готов доверить свое сердце другому, а это всегда приносит страдания. Как говорит христианский писатель К.С. Льюис: «Застраховаться невозможно, любовь чревата горем. Полюби — и сердце твое в опасности. Если хочешь его оградить, не отдавай его ни человеку, ни зверю». Во всякой любви и особенно в супружеской ты отдаешь, открываешь свое сердце другому, и он может с ним сделать все, что захочет. Человек на твоё доверие может ответить жестокостью, предательством. Наконец, в этой жизни он будет страдать, и ты будешь страдать вместе с ним.

Но нередко со временем первый пыл влюбленности гаснет и наступает время семейной рутины, привычки и обыденности, когда нет больше силы, вдохновляющей на возрастание в единстве. Принимать ли это как должное?

Говорят, что невозможно заставить себя полюбить. Невозможно без труда! А если мы готовы трудиться в этом направлении, то рано или поздно нас ждет успех.

Святой Макарий Египетский учит: «Надлежит понуждать себя, даже против воли сердца, к любви — если кто не имеет любви; к кротости — если кто не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы быть милосердным, чтобы терпеть пренебрежение, когда пренебрегают, не приходить в негодование, когда унижают».

ют; надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и, против воли сердца, с усилием обуздывает себя, даст ему истинную любовь, истинную кротость, истинную доброту и истинную духовную молитву».

Святая Церковь, уподобляющая супружеские отношения отношениям человека с Богом, хранит советы, как возродить первоначальное горение любви как к Богу, так и к человеку.

Вот основные моменты, о которых необходимо помнить супругам.

1. Даже психологи отмечают, что современные люди совершенно не способны сосредоточиться, побыть наедине с собой. Естественно, что такой человек не способен направить свое внимание и целиком вслушаться ни в голос Божий, ни в человека — собеседника. Психологи (например Э. Фромм) для решения этой проблемы предлагают взять на себя ежедневное правило размышлений. Православие же предлагает учиться молиться. Внимательная, вдумчивая, сосредоточенная молитва научит человека быть обращенным не только на себя, научит слышать, чувствовать другого.

2. Как во всяком сложном деле, в любви необходимо огромное терпение, желание преодолевать трудности и неизменное стремление к совершенству. Сама по себе любовь не сохранится. Готовность слушать другого, принимать его претензии, советы; стремление к честности и открытости — вот что поможет сохранить любовь на всю жизнь.

3. Смирение является важной составляющей всякого общения с ближними. Смирение — это умение вслу-

шаться, преодолеть природный эгоцентризм и отдать первенство другому.

4. Настоящая любовь, по словам митрополита Антония (Блума), подразумевает глубокую веру в любимого. Эта вера — желание и способность видеть в нем неповторимую личность, пусть часто и замутненную грехами. Это — умение видеть человека в перспективе замысла Божия о нем. Это — желание помочь ему в его развитии.

Наконец, христианская любовь — активная любовь. Невозможно достичь высот любви, находясь в пассивной бездеятельности. Любовь — это каждодневная жертва ради другого, служение другому.

О МОЛИТВЕ

Елизавета Пархоменко:

Святые всех времен утверждают: христианин всегда должен помнить о четырех составляющих духовной жизни и продвигаться во всех четырех направлениях. Это: добродетель, участие в богослужбной жизни Церкви и ее Таинствах, личная молитва к Богу и чтение духовной литературы. Эти четыре точки, четыре пункта — по сути, различные проявления одного стремления, стремления человека встретиться с Богом. Молитва, говорят святые, это беседа с Богом, обращение одной личности к Другой. И в этом смысле и индивидуальная молитва дома, и молитва соборная за богослужением, и чтение и размышление о духовных вещах, и добродетель — все это можно назвать молитвой. Действуя в каждом из этих направлений, человек обращается к Богу либо непосредственно, либо через ближнего.

Святой Феофан Затворник писал своей духовной дочери: «Вы совершенно верно определили для себя основную цель жизни — соответствовать высокому достоинству человека. Для этого вовсе не обязательно (во всяком случае, чаще всего) кардинально менять внешнюю сторону своей жизни, основные изменения касаются сокровенной духовной жизни человека. Обычно можно по-прежнему работать в том же месте, не разрывать общения с друзьями, интересоваться теми же предметами, что и прежде. Только все это наполнится иным содержанием, все это будет важно не само по себе, теперь человек через все это будет восходить к Богу».

Христианин, живущий в миру, не может молиться целыми днями. Любовь к ближним для него — основной вид молитвы. Апостол Павел говорит: *Непрестанно молитесь*. Доброделание во всех видах и, в первую очередь, как любовь к окружающим людям, должно стать фоном всей нашей жизни, тогда мы исполним или приблизимся к исполнению заповеди апостола.

Самоотверженное, сопряженное с терпением и любовью служение ближнему — превыше всех других добродетелей, — учат святые. Иоанн Лествичник писал: «Любовь больше, чем молитва. Молитва — добродетель среди прочих, в то время как любовь обнимает собою все добродетели». А другой святой, сравнивая доброделание с другими подвижническими трудами, говорил: «Даже если брат, постящийся шесть дней кряду, подвесит себя за ноздри, он все равно не сравнится с тем, кто заботится о больных».

Если говорить о молитве в более узком смысле: о молитве личной, домашней, то, конечно, легче всего молиться в тихом, уединенном месте. Но редко удается

найти такое место и время. И это, конечно, не должно стать препятствием в молитвенных упражнениях. Те, кто жили в общежитии, знают, как тяжело было вначале отключиться от всего окружающего и сосредоточиться на занятиях. Однако при старании вскоре можно научиться даже в шуме и суете заниматься, к примеру, научными трудами. Так и в молитве: безусловно, сложнее молиться в отвлекающих условиях, но это возможно. В случае же успеха человек будет обладать бесценным умением в любых обстоятельствах поддерживать связь с Богом, научиться не позволять окружающему хаосу прорываться в его душу. Если вообще нет возможности помолиться дома, можно помолиться и в транспорте, и на прогулке с детьми.

МОИ МОЛИТВЫ

Из книги А. Соколовой «Две моих свечи»

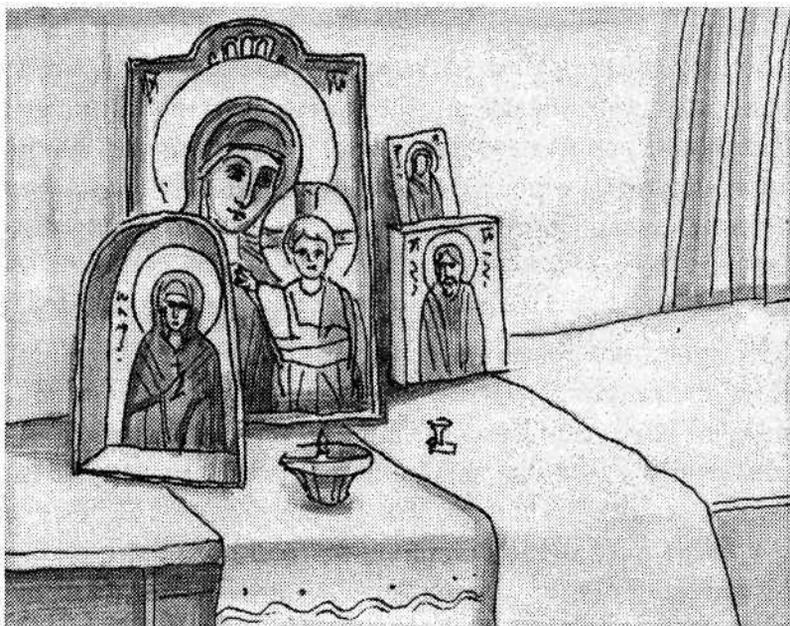
Об Иисусовой молитве я много читала, пытаюсь писания святых отцов приложить к себе лично. Конечно же, преуспеть в этом я не смогла... Много облегчило меня чтение святителя Феофана Затворника. Его объяснение того, как надо хранить памятование о Боге в течение дня, приложилось в моей жизни как нельзя лучше. Доля жены, матери такова, что от кучи мелких дел, забот, слов, которые надо сказать, мельчаешь характером, погрязает до самой макушки в каком-то бездонном месиве: дела домашние делать не переделать, и конца им нет. Стала я приспособливаться к этому свою душу, стараясь держать ее повыше, и получилось это у меня так. О всех мелких-мелких до-

машних делах молюсь словами, по возможности, самыми простыми, причем заметила, что о самых-самых незначительных вещах молитва получается едва ли не детской, какой-то очень уж простой... Суп варю — о супе молюсь, чтоб он вкусный получался, полую — прошу у Бога сил, чтобы домыть его до конца и не растянуться от этого в полном изнеможении... И не то чтобы я это делала исключительно ради собственного благополучия (хотя и на успех всех моих домашних дел я очень надеюсь и желаю его), мне важно другое. Я очень благодарна апостолу Павлу за слова о молитве, включенные им в послание к Филиппийцам: *Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий, который превышает всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.* Вот этого я и ищу, вот поэтому я и молюсь над кастрюлями, магазинными авоськами да бесконечными рубашками, большими, поменьше и совсем маленькими: чтобы «мир Божий», о котором мне, женщине, невозможно и помыслить, накрепко заключил меня во Христе Иисусе. Иначе молиться я не умею...

Есть у меня еще одна, помимо хозяйственных забот, отрадная возможность для памятования о Боге. Детки мои, поскольку мать их — женщина современная, то есть работающая, должны посещать соответствующие казенные заведения: детсад, школу, начальную и музыкальную, порой и продленку... Вот и стараюсь я молитвой поддержать их, когда они вдали от меня, не рядом. Вышел ребенок за порог — я молюсь: «Господи, избави его от встречи с лютым, ли-

хим человеком. Господи Иисусе Христе, помоги рабу Божьему, сыночку моему, через дорогу перейти благополучно. Помогите, Господи, защитите его от всякого зла». Весь распорядок дня я знаю и в садике, и в школе, и на продленке, и день длится, а моя молитва сменяется другой: «Господи, да будет учение моего сына во славу Божию. Господи, сохрани дитя мое от простуды на прогулке»... и далее, далее, далее — весь день...

Вот так — маленькой молитвой или большой, молитвой словом или делом, рано или поздно — все-таки дает Господь любящему человеку то, чего он так долго просит и ждет: мира в семье и единодушия в вере.

ИСТОРИЯ МОЕГО ПРОЗРЕНИЯ

Ксения:

В Церковь я пришла, когда уже была замужем. Выходила я замуж в глубоком неверии, и моя профессия тоже была абсолютно далека от Бога. Я была тренером по шейпингу. То есть мой муж женился на тренере по шейпингу, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вдруг, спустя какое-то время, я пришла к вере. Конечно, не случайно: было много проблем со здоровьем во время первой беременности.

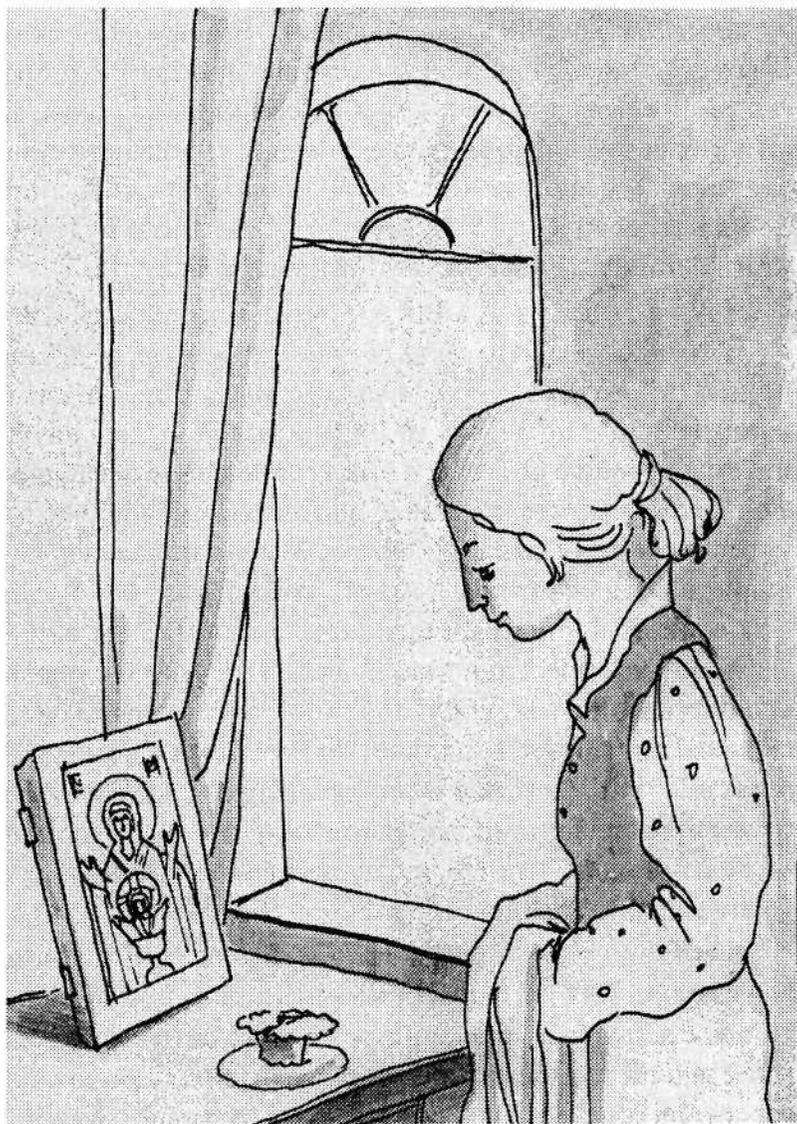
Крещена я была в 18 лет: ну, покрестилась, как все, и ушла. Пожив так лет пять, я вспомнила про Бога, когда меня постигли невзгоды. И стала ходить в храм. Поначалу, конечно, не знала никаких правил: что надо говорить, как надо сделать. Может даже с каким-то суеверием приходила. Целовала иконы, ставила свечу. Такой процесс воцерковления шел очень долго. Помогло то, что родители мои тоже пришли к вере. Благодаря болезням, благодаря бедам, которые свалились на нашу семью. Появилась поддержка, мне стало духовно легче. А муж — он оставался таким, как был. Он смотрел на мое «увлечение» церковью как на хобби: вот, ты одним занималась, теперь другим занимаешься. Позанимаешься — пройдет. Но когда это стало вмешиваться в нашу семью и никуда уже от этого было не уйти, тогда и началась напряженность.

Например, мне надо вычитать вечерние правила. Пока я управлюсь со всеми своими делами, получается поздно. Муж ложится спать, я ухожу куда-нибудь и читаю молитвы. Он приходит и говорит, что ты тут делаешь, что ты тут бормочешь, надо ложиться спать.

Вот все и началось с каких-то таких моментов. Потом он понял, что в воскресенье, единственный выходной, когда он может быть дома с нами, мы уходим в храм. Чем дальше — тем хуже. Чем глубже я воспринимала свою жизнь в Церкви, тем больше появлялось у мужа ропота. Я стала чужая для него, мы поняли, что у нас разные мировоззрения, я больше не крашу ногти, я больше не хожу на безумных каблуках, я больше не укладываю волосы по часу перед выходом на улицу. Я надела платочек, я хожу в длинной юбке. Мне было хорошо в этом состоянии, мне ничего не было нужно, я сидела там, внутри себя, как улитка, и ничто внешнее меня не интересовало. А мужу было тяжело это понести, но сначала он думал, что это блажь, и все пройдет. Но потом начал понимать, что это не проходит, и тут у нас с ним начались очень серьезные конфликты.

Он начал запрещать мне ходить в церковь, он начал запрещать мне причащать детей. А детей батюшка благословил причащать каждую неделю, потому что они были нездоровы. А муж, наоборот, считал, что они болеют из-за церкви. Там толпа, там бабушки, все надыхали на ребенка. Все причащаются из одной ложки... Если ребенок заболел, он сразу кричал: «Это потому что вы были вчера в церкви!» То есть другой причины болезни ему вообще невозможно было представить.

Когда я приходила к батюшке и рассказывала о своем муже, я описывала его таким, каким видела. А видела я его далеко не в лучшем свете. Я говорила: вот, он не дает мне молиться, он не дает мне поститься. Своей неправоты я совсем не усматривала в этом. Я все время считала, что он плохой, неверующий, а меня Господь посетил своей благодатью, и я на правильном

пути. И как на танке я ехала в православие, таща за собой своих детей. И вся моя семья, родители, все мы такие правильные и хорошие, а он один — ну, что поде-

лаешь, вот такой он у нас, больной... Это мнение стало распространяться на него и со стороны родителей. Мы его так и воспринимали: как бы в семье не без уroda. И он тоже начал воспринимать себя так. После чего стал заявлять: а я вообще никогда не приду в храм. Я, глядя на вас, вообще не хочу никуда идти. Да, я буду таким. Каким вы меня видите, таким я и буду.

И вот в таком состоянии мы очень долго жили. Когда дошло до того, что он перестал мне давать детей на причастие, то есть утром он просто хватал их и прятал в комнату, а я не знала, то ли мне силой выдергивать их, то ли вообще не идти, я была совершенно обескуражена и поняла, что все зашло в тупик. Я поняла, что не чувствую к нему никакой любви. У меня появилась ненависть. Я даже стала думать, что хорошо бы было, чтобы он от нас ушел. Насколько мне было бы легче жить! Я бы могла спокойно ходить в храм, я бы могла спокойно молиться, сколько я хочу. Ну, конечно, мне было бы трудно материально, но Господь же поможет, думала я, как-нибудь все это разрешится, зато все мы будем православными, верующими, у нас будет полная гармония. А он — ну что же, пускай сам как-нибудь думает, решает, разбирается...

И я стала вынашивать такую мысль: как бы нам развестись. Брак у нас был невенчаный, причем чем дальше я уходила в веру, тем больше он не хотел со мной венчаться. Если раньше у нас были какие-то разговоры на эту тему, он даже говорил: ну ладно, если тебе так надо, мы повенчаемся с тобой, конечно. То теперь вопрос ни о каком венчании даже не стоял, он говорил: нет, чтобы еще и я сошел с ума! Потом он сказал, что при разводе он отнимет у меня детей и докажет, что я ненор-

мальная. Все признают, что я сумасшедшая, потому что для мирских людей я действительно сумасшедшая. Конечно, это меня немножко остановило в моей решимости разводиться, но жить было невыносимо, настолько все было сложно. И я рискнула попросить благословения старца на развод. И поехала к старцу.

Когда я приехала туда, батюшка мне сказал, что вообще речи о разводе быть не может, он сказал, что мы повенчаемся, а причины для развода никакой и нет. У меня был просто шок, я не понимала, почему все так произошло. Как же батюшка меня не понял? Я же вся правильная, я же не могу с ним жить той жизнью, какой я жила раньше, в то же время он не хочет принимать мою...

Тем не менее, я решила, что раз нет воли Божьей, то надо как-то терпеть. Но терпеть было невозможно, и у нас дошло до того, что мой муж сказал: все, мы с тобой разводимся, но знай, что виновата в этом Церковь. Естественно, при этом он хулил Бога, собирался выкидывать иконы каждый раз, когда я уходила в храм. Тогда я считала, что я права, ведь написано, что в воскресенье надо быть в храме, ведь написано, что тот, кто не с нами, тот против нас, ведь написано, что оставь отца твоего и мать и иди за Мной! Я понимала это совершенно буквально и считала, что вот так и надо, прямо идти и все. И когда все зашло в тупик, мой муж сказал: «Прежде, чем мы разведемся, я пойду к твоему духовнику, я хочу его увидеть лично, и рассказать, до чего дошла наша семья, и что я, вообще, думаю обо всем этом. Я хочу поговорить с ним как мужчина с женщиной». Ну, я не могла уже удерживать мужа, я сказала: «Ну ладно, идем».

Мы пришли к батюшке. Духовник в то время был на моей стороне. Он не видел моего мужа, он слышал о нем по моим рассказам и оказывал мне поддержку. Батюшка принял нас и довольно много времени уделил моему мужу. Он отвел его в свободную комнату, я не знаю, о чем они там разговаривали, разговор был очень долгий, но когда мой муж вышел от батюшки, это был совсем другой человек. Он просто вылетел оттуда, обнял меня и сказал: «Ну пойдем скорей домой, сейчас зайдем в хозяйственный магазин, я тебе куплю ту кисточку, которую я сломал, когда ты кропила наш дом». Я, конечно, была поражена этому чуду, но, подозвав меня, батюшка сказал: «А ты чтобы слушалась своего мужа. Каждое его слово. Ты поняла? Вот тебе мое благословение...» Я никак не могла осознать, что случилось. У меня снова было состояние шока. Как они нашли общий язык, почему я должна его слушаться? Но батюшка сказал: «Ты на него бочку катила, а на самом деле, ты посмотри на себя, ты не стоишь и его мизинца!»

И я стала думать, как это я не стою его мизинца, ведь я уже где-то там, наверху, так уже хорошо иду к Богу, и вдруг какой-то тут грешник, с которым я вынуждена жить и терпеть все эти мучения, вдруг — я не стою его мизинца! Но я всегда воспринимала слова священника как волю Божью. И если священник сказал, что я не стою его мизинца, я действительно не стою его мизинца. Нужно найти, почему я не стою. И я стала смотреть на мужа другими глазами и пытаться разглядеть, что же там такое священник нашел. Батюшка еще сказал: «Ты посмотри, как он тебя любит, как, я не знаю, мало в каком неправославном человеке присутствует такая любовь». Это вообще меня потрясло...

Я считала, что какая там любовь, все давно прошло, ведь как можно к любимому человеку относиться так жестоко. Но посмотрев-посмотрев, я увидела, что ведь муж работает ради нас с утра до вечера, он ради нас готов сидеть в воскресенье один и ждать; все праздники православные — Рождество, Пасха — мы уходим, оставляем его одного... Он, действительно, столько делает ради нас! И я стала думать, а что же я делаю ради него. И выяснилось, что ничего. Не говоря уж о том, что я что-нибудь бы делала для его спасения. Я делала все ради своего спасения и спасения детей. Опять же детей я считала совершенно своими, и потом, когда я стала разговаривать с ними на эту тему, у них так и проскакивало, что папа грешник, что папа у нас нехороший, он ругается и хочет выкинуть иконы. Я увидела, что дети видят его совершенно такими же глазами. И куда это пойдет, когда они вырастут, если они сейчас не уважают отца, слово отца ничего не значит?

Я стала потихонечку менять этот стереотип. Я стала говорить, что, да, папа ругается, но в этом мы виноваты. Мы его не послушались, мы спровоцировали его. Мы плохо за него молимся! Мы молимся за него? Мы вообще за него не молимся! И когда духовник спросил: «Как ты молишься за него? Ты кладешь за него земные поклоны, ты что-то читаешь? Как ты просишь Богородицу, чтобы он пришел к вере?» А никак я не прошу! Вот он не идет, так это его личное дело. Я же сама пришла!

И я вдруг испытала к нему жалость. Я поняла, что если мы с ним разойдемся, ведь никто его не спасет! Быть может, первым порывом у меня было чувство гордыни: если не я помогу ему спастись, то кто же! Возмусь-ка я за него, буду его исправлять. Но когда я

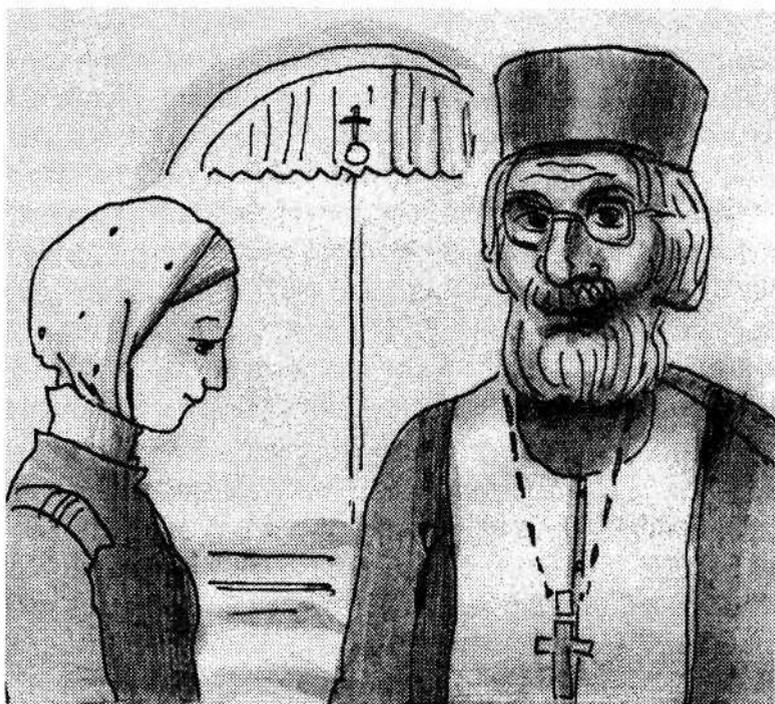
взялась за его исправление, то увидела в нем столько достоинств, которыми сама не обладала. Я увидела, что, находясь долго в храме, я запустила дом. Ведь я ходила на все воскресные и праздничные службы, на все молебны! И дома развелось много беспорядка, физически мне было не управиться, плюс маленькие дети. Я считала, что это нормально, ведь я не могу успеть все, а так я буду успевать главное. То есть, посмотрев на себя со стороны, я увидела, что я хозяйка никакая, что я не готовлю ничего вкусного, дома у нас беспорядок, мы папу не встречаем, в общем, муж у меня находится в черном теле. И тут, когда я так стала сравнивать себя и его, я вдруг увидела, что я действительно не стою его мизинца! У меня в голове произошел просто переворот!

Мы с ним решили написать, что мы хотим друг от друга. Требования к мужу и требования к жене, — так мы назвали эти листочки. Я, конечно, написала, что хочу, чтобы он ходил в церковь или хотя бы не запрещал нам это делать. А он написал элементарные вещи: я хочу, чтобы в доме был порядок, я хочу, чтобы в воскресенье или хотя бы в какие-то дни мы вместе гуляли. Я хочу иногда, хотя бы раз в месяц, получать пироги... То есть совершенно простые, человеческие вещи.

И я подумала, что станет с моим православием, если в праздники я напеку своей семье пироги! Что плохого, если я наведу порядок в доме. Что плохого, если мои дети погуляют с отцом, и пускай он в это время им что-то расскажет далекое от веры, но не плохое же, не желает же он им зла! И вот, у меня что-то переломилось в душе. И я стала его очень любить, я почувствовала, что была неправа. У меня возникло чувство ви-

ны. Я увидела, что это я разрушаю нашу семью — я, а не кто-то другой!

И я стала делать маленькие попущения. Снимала платок, когда мы выходили с ним куда-то. Я согласилась ходить с ним в гости, я надела юбку не совсем уж до пят, надела брюки, потому что ему это нравилось. Я, быть может, могу снова подкраситься и подкрутиться, ведь я делаю это для него, а не для самолюбования. Я делаю так, потому что ему приятно, потому что ему это важно. И сделав это для него, я почувствовала, что могу в своей семье делать то, что хочу: молиться, сколько угодно, пойти в церковь, когда заблагорассудится... Мужу было важно, что я ему уступила в чем-то. И он в благодарность согласился уступить что-то и мне.

И мы начали так балансировать: я уступаю ему немножечко, что допустимо, а он уступает мне. Конечно, в главном, в основном, я бы не поступилась никакими убеждениями, например, никогда не согласилась бы на аборт. Но в пустяках, в мелочах — почему бы нет? Ведь я люблю его!

Я стала относиться к нему по-другому: он еще не с нами, его еще не посетило то, что посетило меня. Так почему я должна так гордиться этим, ведь неизвестно, кто из нас туда раньше придет. Я, может, буду всю жизнь свою идти и не узнаю того, что ему Господь откроет за один миг. Ведь я не могу знать, когда Бог приведет его в Церковь и каким он станет. Я стала верить, что у нас все будет хорошо, что мы повенчаемся. Я стала верить в него. Что он сейчас, ну, такой вот бедный человек, но он все равно придет. По его терпению и смирению Господь даст ему. Ведь он смиряется перед моими «заскоками», как он это понимает. У него, на самом деле, терпения гораздо больше, чем у меня. Ведь мне было все равно, что с ним будет, лишь бы мне не мешал. А он все время говорил: «Ну как же я вас оставлю, что вы будете есть?» То есть, у него душа болела за нас. Хотя у меня, как у православного человека, душа по этому поводу не болела. И я поняла, что действительно, по делам нашим осудят нас. А не по тому, сколько мы выстояли в церкви и сколько часов мы молились...

Дети спрашивают: «А почему папа у нас не молится?» Раньше я бы сказала так: «Потому что он не понимает ничего, потому что он грешник». А теперь отвечаю: «Он молится, но про себя». Он стесняется еще. Мужчинам можно молиться про себя. И перед едой, когда мы читаем молитву, они спрашивают: «Пап, ты молишься там?» И он, понимая, что я как бы его защи-

шаю и повышаю его авторитет, бурчит им: «Да-да, молюсь я, молюсь», — отстаньте, мол. Потом я вдруг услышала как-то утром, когда была занята своими делами и он кормил детей без меня, что он сказал им: «Почему же вы не помолились? Ведь вам мама не разрешает есть без молитвы, почему вы не молитесь? Вот когда мамы нет, так вы сразу и забываете?» И для меня, конечно, это было очень важно. Я поняла, что я на правильном пути. Что только любовью я спасу его и спасу себя. И вытащу всю нашу семью.

Потому что так, как действовала я раньше, действовать просто нельзя, запрещено! Я увидела это на практике....

Потом он вдруг сделал нам полочку для икон. Это был для нас, конечно, огромный праздник. А однажды он сказал мне: «Давай повенчаемся, мне стало так хорошо с тобой, что я согласен повенчаться». Ну конечно, у меня радости не было предела, и я выражала ему эту радость теми способами, какие были приятны ему.

Сейчас я не могу сказать, что все так уж хорошо, бывают взлеты, бывают падения, бывает, мы не понимаем друг друга. Но я иду путем уступок. Путем жертв любви друг ради друга. И он уже много что мне разрешает. Он начал встречать нас из храма, он стал с пониманием к этому относиться: ну надо вам в воскресенье в храм, ну идите. Он ждет нас из церкви по часу, чтобы детей довести на велосипеде (у нас на даче церковь за три с половиной километра).

Не может один человек спастись, не думая ни о ком из близких. Нельзя идти к спасению по головам, за счет других. С ужасом думаю о том, к чему я вела свою семью, ведь действительно, я не смогла бы прокормить их, я бы не смогла дать мальчикам того, что дает им

отец. Сейчас я вижу только большие плюсы от того, что мы с ним вместе. Пускай это очень тяжело, постоянно тяжело, пускай это постоянная работа, не расслабиться ни на минуту, но сейчас я все-таки чувствую, что наша семья — счастливая.

Да, он придирается ко мне, но и слава Богу, что придирается. А так бы я никогда не узнала, что здесь у меня плохо, там у меня плохо. Я на это смотрю, как на двигатель, который меня все время подталкивает. И то, что он не такой вот правильный, не кроткий, не попускает мне, это тоже хорошо, зато он сумел показать мне мою гордыню. Через него я увидела свою неправоту. Раньше, когда он кричал, я даже не вслушивалась, старалась пропускать мимо ушей. А когда прислушалась, то поняла, что он прав. Только, может, сила выражения у него не соответствует моим оплошностям. И я ему говорю: «Ты потерпи на мне, я все исправлю. Я же терплю то, в чем ты не идеален. Так потерпи и ты...» И то, что я все-таки признаю эти свои оплошности, а не просто отмахиваюсь от него: «Опять ты скандалишь!» — для него много значит.

Сейчас я вижу, что дети подросли и очень тянутся к отцу, и это хорошо, это вообще нормально для мальчиков. Он уже не хулит Бога, он хотя бы принимает нашу позицию. И дети знают, что папа — где-то пускай в глубине души, — но верующий человек.

Отец Константин:

Свидетельство Ксении — замечательный документ человеческих взаимоотношений. Когда стало совсем плохо, вдруг неожиданно показался просвет. И сегодня все идет к лучшему.

Почему произошла ошибка в поведении Ксении?..

Как так случилось, что она поставила семейную жизнь на грань разрыва?

Все дело, конечно, в личных грехах. В данном случае это эгоцентризм и гордыня! Придя к Богу, в Церковь, Ксения почувствовала духовный комфорт. Это понятно. Жить с Богом действительно интересней, чем без Него. Но тут нас поджидает скрытая извечная ловушка лукавого. Вместо того, чтобы осмыслять христианство как *передовую линию фронта* в войне с сатаной, в служении семье, людям, миру, нам хочется успокоиться в христианстве, уютно свернуться и блаженствовать.

Возникает некая эгоистическая форма христианства. Христианин, идущий таким путем, сначала чувствует душевный уют от общения с Богом и нежелание соприкоснуться с мирскими заботами. Затем его начинают раздражать те, кто его не понимают, и особенно те, кто напоминают о его мирских обязанностях. В это же время рождается уверенность (переходящая в злорадство), что «я спасен», а другие — безбожники, гибнущие в адской пучине, и мне до них нет дела.

Следующая ступень — состояние, называемое подвижниками прелестью. Прелесть — это самообман, иллюзия, что ты в порядке. А до других либо нет дела, либо к другим испытывается надменное презрение.

Но это гибельный, неправильный путь. Как существует грех сатанинской, безбожной гордыни, приводящей к тому, что человек ставит себя в центр мира: видит только себя, слушает только себя, носится только с собою; того же поля ягода — грех гнушения этим миром. Человек может оправдывать себя сколько угодно, но, по сути, он тоже видит и лелеет только свое мировоззрение.

У Ксении этот процесс так далеко не зашел. Она сумела услышать священника. Услышать и поверить!

Я знаю людей, называющих себя православными, которые дошли до такого уровня внутренней гордыни, что советы священника они слушают с иронией и плохо скрываемым легким презрением. Мне приходилось разговаривать с верующими, которые меня (священника) прерывали, смеялись в лицо и говорили: «Что Вы там глупости и ереси болтаете, Вы не понимаете...»

Ксения услышала священника, и для нее начался процесс духовного выздоровления.

И первым очень важным моментом для нее стало... обычное христианское Покаяние. Я — хуже, я плохая! Когда есть такое понимание, человек начинает исправляться.

Мне очень нравится следующий пример диакона Андрея Кураева. В книге «Школьное богословие» о. Андрей, рассказывая о Преображении Господа Иисуса Христа, напоминает нам одну фразу апостола Петра. Когда свет Фавора осиял апостолов, когда они пережили блаженное мистическое озарение радостью, светом, смыслом, Петр восклицает: *Господи! Хорошо нам здесь быть! Если хочешь, сделаем здесь три кущи* (т.е. палатки — о. Константин). Но Христос зовет апостолов вниз, с Фавора в реальный непреображенный мир. С Фавора уже видна другая гора — Голгофа, и надо идти к ней. «На Фаворе нельзя оставаться не потому что — трудно, а потому что Бог не разрешает. От средних веков дошел к нам простой совет: если в молитве твой дух вознесен даже до третьего неба, и ты видишь самого Творца, а в это время к тебе здесь, на земле, подойдет нищий и попросит накормить его — для твоей ду-

ши полезней отвернуться от Бога и приготовить похлебку... "Бывает, — приоткрывает мир своего сердечного опыта преподобный Иоанн Лествичник, — что когда мы стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы"» (диакон А. Кураев).

Задача христианства — не приобщить человека к высоким религиозным переживаниям и в таком блаженном состоянии его оставить, а сообщить человеку силу достойно, свято жить в мире и дать импульс служить миру. Но не значит ли это, что, выйдя в мир, мы что-то растеряем?.. Безусловно. Но бояться этого не следует. Это ведь не наша заслуга, не наши духовные сокровища: это — Божие. И если Бог захочет, Он все восполнит и даст еще больше.

Представляю, как хорошо было апостолам в их сионской горнице в день Пятидесятницы, когда на них сошел Святой Дух. Как, наверное, им хотелось удержать эту благодать, не идти в мир... Но они спустились со своего Фавора, пошли...

И потом, в четвертом веке, когда христианство было легализовано, когда оно было поставлено перед выбором: идти на контакт со вчера языческим миром, или замкнуться, боясь что-то из благодати утратить... Христианство пошло на этот контакт.

Такая же дилемма лежала перед святителями Василием Великим, Иоанном Златоустом и прочими великими мужами Церкви. Им так хотелось побыть одним, помолиться, поразмышлять о Боге. Но приходилось устраивать приюты, больницы, школы. Достаточно почитать житие отца Иоанна Кронштадского, чтобы уви-

деть: ему тоже хотелось больше быть наедине с Богом. Но Господь призвал его к другому служению.

Церковь никому ничего не навязывает. Перед каждым стоит выбор: пойти в монастырь либо остаться в миру. Если мы сделали свой выбор, надо оставаться честным до конца, пока, быть может, Бог не укажет тебе иной путь в жизни.

Если у нас семья и дети, мы обязаны максимально служить семье. Не воровать время у мужа для Бога, а через служение мужу чувствовать, что ты служишь Богу.

Часто в семьях, где один из супругов христианин (или даже оба христиане), мы видим в жизни прикрывающую благочестием, завуалированную элементарную лень. Лень, собственно говоря, нас сопровождает от рождения до могилы, и всю жизнь нужно противостоять ей, побеждать ее подвигом. И особенно горько, когда лень прикрывается набожностью. Активно играть с ребенком, по-настоящему, серьезно, интересоваться проблемами мужа или жены, позвонить и утешить стареньких родителей, или помочь находящимся в беде родственникам, знакомым, разделить их проблемы — это, конечно, трудно! Тем более трудно так, отдавая себя, служить миру ежедневно. Проще в это время прочитать акафист-другой. Проще — это понятно. Но тогда давайте так и будем говорить: я ленивый человек, я к Богу бегу не от любви к Нему, а от нежелания служить миру и людям. Сама Ксения пишет о своем новом опыте жизни так: «...это очень тяжело, постоянно тяжело... это постоянная работа, не расслабиться на минуту». И она добавляет, что именно теперь она счастлива. Это очень верно, потому что именно теперь началась настоящая христианская жизнь.

ТОГДА НАЧНУТ МЕНЯТЬСЯ ЛЮДИ ВОКРУГ...

Православная семья. Алексей и Мария вместе уже больше 10 лет.

Мария: Я крестилась в 25 лет. После этого начала довольно-таки активно ходить в церковь. В том храме, куда я тогда ходила, был батюшка отец Валентин, личность которого меня в то время буквально заворожила! Я стала туда ходить, в принципе, из-за него. Тогда я с Лешей (моим мужем) даже не обговаривала этот вопрос, просто брала маленького сына и шла в храм. На исповедь ходила, причащалась. Правда, тогда все мои исповеди были какие-то сумбурные, кусками, одно вспомню, другое забуду. Но, так или иначе, ходила, примерно около года. А потом все это у меня постепенно заглохло, потому что отец Валентин оттуда ушел, и приход распался. Я как бы потеряла почву под ногами, мне стало неинтересно. И пару лет я вообще в церкви не была.

А потом ходила эпизодически: вот мне захочется вдруг, вот, у меня такое настроение — и я иду в церковь. Я говорила Леше: поехали, мол, съездим на утреннюю службу. Мы брали сына, садились в машину и ехали в храм. У храма я говорила ему: «Ну, пойдём». А он всегда отвечал: «Нет, — мол, — я тут постою, а ты иди». Я у него спрашивала: «А чего ты не хочешь зайти?» — «Не трогай меня, не хочу я, тут пока постою». И гулял вокруг храма, а я внутрь заходила с сыном. Стояла там, слушала; тоже, естественно, половины не понимая. Так я ходила-ходила, а Леша все гулял рядом с храмом. Он относился очень спокойно к этим заездам, с каким-то внутренним пониманием, но в храм идти не хотел. «Я не готов, — говорил. — Не чувствую

внутренней потребности». Он не понимал свою роль в этом церковном действии и вообще во всей церковной жизни. Просто не знал, что ему там делать.

Пост я тогда соблюдала эпизодически, и духовная жизнь, я считаю, у меня была в загоне. То есть изредка, как и все люди, я вспоминала о Боге. Изредка читала молитвы, потом душевная лень одолевала. Причащаться я практически не ходила, только один раз за все это время. Я искала священника, духовника, который бы меня вел по жизни... Ну вот, так и жила. Схожу, ребенка причащу, поскольку готовиться не надо. Причастила, вроде, какой-то долг исполнила, ушла. В общем, не было упорядоченности... Но сама я в этот момент была, конечно, не вне Церкви. Раз ты уж человек крещеный, значит, ты не можешь быть вне Церкви, никуда ты не денешься. Ведь душа у человека — христианка, и моя душа тянулась к этому, я чувствовала, что это — истина.

...Полтора года назад мы с Лешей пришли в этот храм, в который и сейчас ходим, пришли с одним горем. В то время, когда мы не знали, что делать, как жить, мы пришли к выводу, что нам нужна духовная помощь. Нам нужен совет духовного человека. Я позвонила своей приятельнице, которая, я знала, ходит в православную церковь, и спросила ее, не знает ли она, к кому можно обратиться. Она сказала: вот, приходите к нам, у нас замечательный священник, отец Александр, он врач, интеллигентный образованный человек, к нему можете обратиться. И мы пошли.

Сначала подошел Алексей со своей проблемой, точнее, с проблемой своей родственницы. Когда он спросил батюшку, как ей помочь, батюшка сказал: «Начинай с себя. Ты не поможешь, пока сам невоцерковленный человек». Это послужило очень большим толчком.

Батюшка сказал: «Сначала тебе нужно исповедоваться и причаститься». Раз он так сказал, то Алексей не мог не пойти. Он понял внутренне, что ему это надо. Он готовился очень серьезно и причастился тогда в первый раз за свою жизнь. И со мной тогда батюшка поговорил, сказал: «Вот, мол, давай и ты». И я пошла, экспромтом. Рассказала о том, о чем сердце болело... В этом отце Александре я увидела своего духовника, которому я могу поверять свои проблемы, решать вопросы какие-то. Он меня сразу зацепил, и я поняла, что должна остаться здесь. Так и осталась.

Личность священника, которого бы я знала, к которому бы я могла прийти — для меня очень важна. И это был тот момент, когда я вернулась в храм. Теперь уже — вместе с Алексеем...

Когда муж и жена живут нормальной семейной жизнью, они составляют одно целое. Они — одно тело. С одной душой даже. Естественно, что мысли и переживания одной половинки не могут не затрагивать переживания второго человека. Поэтому то, о чем я переживала, то, чего я хотела, мои мысли, мои желания, я думаю, сыграли большую роль. Молиться я еще по-настоящему не умела, но, по крайней мере, я все время думала: как хорошо было бы, если б мы вместе ходили в церковь, были бы единомышленниками...

Сначала, когда мы только поженились, было по-разному — и хорошо, и плохо... Но когда мы стали жить нормальной семьей, мы стали одним целым. Мы стали любить друг друга именно в христианском смысле — делиться радостью, делать добро друг другу. Мне очень хотелось, чтобы ему было хорошо. Вот, мне хорошо, так почему же он мается! Хотелось, чтобы он успокоился, нашел внутренний покой, гармонию. Их жалко, наших мужчин, на них такая нагрузка! Громадная нагрузка: семьи, работы, денежных проблем, воспитания детей. И без поддержки Господа сделать это самому — очень трудно... Начинается — либо вино, либо пиво, либо курево, либо какие-то совершенно непонятные развлечения, которые, в итоге, радости не приносят, а только усугубляют все. Когда женщина видит, что мужчина так мается, мечется, ей хочется привести его к какой-то тихой гавани. И сказать: вот оно, ты лишь открой глаза, открой свое сердце! Ведь любовь — это желание поделиться радостью, которую человек имеет.

И вот именно это привело его к Богу. Пусть, с другой стороны, я через чувства пришла, как многие женщины, а мужчины приходят через разум, они сознате-

льно ищут того, чего им не хватает, они что-то хотят получить. Вот он пришел через это.

Я ничего не говорила ему на тему религии, потому что поняла, что это бесполезно. Эта тема, вообще, была для него болезненная. Да и часто любая мысль, облеченная в слово, становится фарсом. Я поняла, что говорить ничего не надо, надо просто жить, просто любить этого человека, принимать его таким, какой он есть, со всеми его проблемами и заморочками. И радоваться, стараться эту радость в дом принести, и эта радость потом начинает как-то всех окутывать, она обволакивает всех, и приводит всех к одному знаменателю — и мужа, и жену, и детей...

Ведь самое трудное — любить. Именно не принимать любовь, а эту любовь отдавать. И когда человек научается отдавать любовь, делиться ею, тогда начинают меняться люди вокруг него.

Алексей: Я не сам к этому пришел, а меня привел Господь. Это совершенно точно, вел, как на веревочке слепого котенка. Вспоминаю, когда я был классе в десятом, мы с мамой зашли в гости к одной верующей женщине. У нее была книга Джона Мильтона «Потерянный рай». Почему меня тянуло ее читать? Казалось бы, лето, купание, а я каждый день садился и читал эту книгу. Потом я крестился на 2-м курсе — тоже по непонятным причинам. Просто Господь меня тянул за руку... Потом я одно время ходил к своим знакомым по два раза в неделю и читал у них Библию, по собственной инициативе. Почему — не могу сказать. Вот так тянуло меня все, тянуло...

Я всегда много читал и всегда, еще с детства, у меня была потребность в справедливости. Мне хотелось уз-

нать ответы на многие вопросы. Переломной книгой для меня была «Дорога к рабству» Хаика. Хотя это совершенно нехристианская книга, это — анализ тоталитаризма, и, вроде, она никакого отношения к христианству не имеет, но именно эта книга стала поворотным моментом в моем мировоззрении. Причиной того, что я задумался — кто я и зачем. А вот дальше, после постановки этих вопросов, наметилась более узкая дорога и направление. Потом я стал читать русских философов: Бердяева и т.д. Очень хорошо помню первую книгу — Франка. Но все это была лишь дорога к самому важному. Это ведь книги «о», а не «в». Можно рассуждать о Боге. Но нужно *жить в Боге...*

И вот, я прошел через все эти книги. Рерихов читал, потом мы увлеклись Малаховым с его очисткой организма. Начитались «Диагностики кармы» и решили, что надо очищаться. Увлекался вегетарианством и так далее...

Последние события — это уже были капли, которые переполнили чашу... Я так и сказал священнику: «Батюшка, все, больше не могу, устал, хожу вот уже 18 лет вокруг да около...» Батюшка так взял меня за руку: «Ну ладно, давай воцерковляться понемножку...»

Мне повезло, что меня не занесло ни в какую церковь другую: ни к баптистам, ни к иеговистам. Несмотря на то, что я в молодости два раза был у них... Наверное, потому что у нас в семье всегда считалось, хотя все были совсем не религиозные, что церковь в России может быть — только православная. Есть католический костел — но это музей. И я могу только склонить голову и сказать: «Слава тебе, Господи, за то, что Ты так добр ко мне. Что Ты все-таки привел меня куда

нужно». За что эта любовь — не знаю. Уж точно не по делам моим...

Без Марии, наверное, я так бы и не дошел. Хотя, думаю, дошел бы, но когда? Ее роль в этом была — решительная. Именно решительная, а не решающая. Нередко, благодаря ей, я сподобляюсь на какие-то действия, на которые сам зрею-зрею, а чего-то не хватает. Вот тут она меня и подтолкнет: ну-ка! Подталкивает именно решиться.

В те годы, когда она ходила в церковь, для меня это было очень важно. Я со стороны присматривался, по-честному. К тому, как она в Церкви пытается жить. Тогда подтолкнуть меня было еще невозможно. Я подтолкнулся тогда, когда пришло время. А тогда я просто смотрел на нее, и разные у меня были мысли: и плохие, и хорошие... Ведь если все равно — позитив и позитив, — так не бывает, тогда и жить-то не надо. Просто это происходило, и во мне, соответственно, тоже происходила работа. Что-то думал, что-то анализировал, и в результате так и шел — дальше, дальше...

Все внешние атрибуты я спокойно принимал. Я туда идти не мог. То ли неудобно, то ли стеснялся. Гордыню надо было побороть — прийти к батюшке и склонить голову. Очень многие мои знакомые, которые еще не дошли, говорят: «А что я пойду к священнику, он такой же, как и я». Это и у меня было. Понимать-то, что он поможет, я понимал. А мешало... Я не могу даже объяснить, но мешало что-то внутри — и все тут. Не мог я сам. И тут подошло время, и Мария сказала: «Все, иди». Ну, тут я уже как бы созрел, и меня провало. Вот так.

ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА

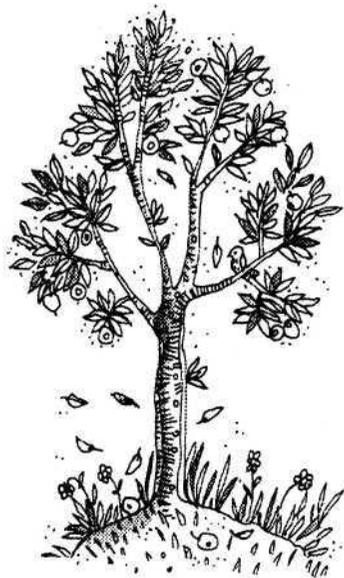
Из книги А. Соколовой «Две моих свечи»

Немыслимо красива человеческая душа. Я хотела бы прикоснуться к ней, потому что догадываюсь: это прикосновение нежнее нежного, милее милого. Ходит дьявол вокруг красавицы — души. Он может ее изувечить, испоганить, убить. Только вот обручиться ей он не может. Красавица «Песни песней» создана для Другого. О душе каждого из людей пропета эта чудная библейская книга, любимейшая из любимых мною...

Красота Невесты Единственного Сына Бога восхищает меня. Я хочу, чтоб она была так же красива, как ее Жених. Но человек физически ли, духовно ли растет всегда только сам, и никто не может сделать это вместо него... *Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы бы построили на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.* Видите: если в духе человек не созрел для любви, то как бы и подправить что-либо в нем уже невозможно. Все человеческие ухищрения оказываются тогда напрасны...

Как же растут в духе? А как во сне: *Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями, — говорит в Песни песней Жених, — не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.* Какой кроткой любовью дышат эти святые слова! Не наше неуемное беспокойство и не наши крики разбудят эту душу...

*Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот голос моего возлюбленного, который стучится: «Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!..» Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила; звала его, и он не отзывался мне. И побежит тогда вслед за Ним влюбленная душа по улицам Иерусалима. Будет ночь. Ее встретят побои и насмешки стражников. Даже самой себе она покажется нелепой в растрепанной одежде, без покрывала на голове. Чьи-то голоса будут окликать ее: *Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных?..* И она будет отвечать им. У Иерусалимской странницы не будет провожатого, и она добежит до брачного чертога своими собственными ногами.*

Священник Константин Пархоменко
КАК ЖИТЬ С НЕВЕРУЮЩИМ СУПРУГОМ?

Автор-составитель Анна Ершова
Иллюстрации Антонины Ивановой

Издательство «САТИСЬ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis-redakt@yandex.ru www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis@pop3.rcom.ru
Представительство в Москве:
(495) 956-36-14.

Подписано в печать 02.11.2007 г.
Формат 60×88/16. Печ. л. 4. Тираж 10 000 экз.
Зак. № 68.11

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Великолукская городская типография»
182100, Псковская область, г. Великие Луки,
ул. Полиграфистов, 78/12
Тел./факс: (811-53) 3-62-95
E-mail: zakaz@veltip.ru

**В Москве книги издательства «Сатись»
наиболее полно представлены
в книжной лавке Новоспасского монастыря.
Ст.м. «Пролетарская»,
Крестьянская площадь, 10.
Тел. (495) 676-68-37**

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями!

Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org